СЕРГЕЙ МАКОВСКИЙ

REQUIEM

ДЕВЯТАЯ КНИГА СТИХОВ

ИЗДАНИЕ РИФМА
ПАРИЖ
1 9 6 3

REQUIEM

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Собрание стихов.
Изд. «Содружества», 1905 г. СПБ.
Страницы художественной критики.
Книга первая. Изд. «Содружества», 1906 г.
Книга вторая. Изд. «Содружества», 1908 г.
Книга третья. Изд. «Аполлона», 1913 г.
В. А. Серов (Очерк).
Изд. «Аполлона», 1915 г.
Силуэты русских художников.
Изд. «Наша Речь». (Перев. на чешский яз. проф. Таборского). Прага, 1921 г.
Последние итоги живописи.
«Русск. Унив. Изд-во», Берлин, 1922 г.
Народное искусство Подкарпатской Руси.
Изд. «Пламя». (Перев. на чешский яз. проф. Таборского и на французский Дена Рош). Прага, 1925 г.
Сборник **«Вечер».** Стихи (на правах рукописи).
Париж, 1940 г.
Somnium Breve. Стихи.
Изд. La Presse Française et Etrangère.
O. Zeluck. Paris, 1948.
Год в усадьбе. Стихи.
Париж, 1949 г.
Круг и тень. Пятая книга стихов.
Изд. «Рифма». Париж, 1951 г.
На пути земном. Шестая книга стихов.
Изд. «Рифма». Париж, 1953 г.
Портреты современников (413 стр.).
Изд. Имени Чехова. Нью-Йорк, 1955 г.
В лесу. Седьмая книга стихов.
Мюнхен, 1956 г.
Еще страница. Восьмая книга стихов.
Париж, 1959 г.
«На Парнасе Серебряного века» (с 32 иллюстрациями).
Изд. ЦОПЭ, Мюнхен. 1962 г.
Requiem. Девятая книга стихов.
Изд. «Рифма», Париж. 1963 г.

СЕРГЕЙ МАКОВСКИЙ

REQUIEM

ДЕВЯТАЯ КНИГА СТИХОВ

ИЗДАНИЕ РИФМА
ПАРИЖ
1 9 6 3

© by Serge Makowsky. Paris, 1963

Сергей Мановский

СЕРГЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ МАКОВСКИЙ

Сергей Константинович Маковский был художественным критиком, прозаиком и поэтом. Но поэзия была его истинной страстью: писал стихи и о стихах до последнего дня своей жизни, которую посвятил искусству во всех областях и во всех проявлениях.

Он родился в 1877 году и был сыном известного русского художника Константина Егоровича Маковского. Его первый сборник стихов вышел в 1905 году, а первые статьи об искусстве начали появляться уже в 1898 году.

Начиная с 1906 года появляется, том за томом, его капитальное произведение: "Страницы художественной критики", а именно: в 1906 году — Книга первая; в 1908 году — Книга вторая; в 1913 году — Книга третья.

В этих книгах впервые в области русской художественной критики были найдены новые формы и указаны новые пути понимания современного искусства. До того Россия была далека от западного влияния, особенно в области живописи, а в Европе царствовали уже импрессионисты: Сезан, Ренуар, Моне, Мане и другие, зарождалась абстрактная живопись Кандинского и кубизм Пикассо, Брака и других вождей новой французской школы. Сергей Маковский в своих книгах "Страницы художественной критики" открыл этот новый мир русскому читателю явившись предвестником новой эры в русской эстетике и культуре.

Приблизительно в это же время он вместе с талантливой группой друзей-сотрудников основывает художественный журнал "Старые Годы", просуществовавший до самой революции 1917 года (свыше десяти лет). Этим журналом в Петербурге была устроена большая художественная выставка, Сергей Маковский заведывал ее русским отделом. В книге, посвященной этой выставке и вышедшей в Брюсселе, была опубликована его статья — "Русские комнаты".

Но настоящим детищем Сергея Константиновича был художественный альманах "Аполлон", созданный им в 1909 году, издателем-редактором которого он и состоял с момента его основания до конца 1917 года. Революция положила конец этому большому делу. При участии Иннокентия Анненского, Гумилева, Леона Бакста, Александра Бенуа, "Аполлон" стал важным руководящим органом "Серебряного Века" в области литературы, живописи, музыки. Сергей Маковский был его художественным и литературным вдохновителем. "Аполлон" открыл русскому читателю мистицизм Рериха, символизм Врубеля, музыкальность живописи Чурляниса. На страницах "Аполлона" Гумилев изложил свою поэтику, здесь же появились первые стихи Ахматовой.

По словам самого Сергея Маковского (см. "Портреты Современников"), "Аполлон" явился достойным преемником "Мира Искусства", основанного С. П. Дягилевым.

В своем портрете-эскизе, посвященном Дягилеву ("Портреты Современников"), Сергей Маковский пишет следующее:

"...Первый номер "Мира Искусства" вышел в ноябре 1898 года... Я окунулся в атмосферу исключительно вдумчивого и всеискушенного служения искусству... Сергей Павлович Дягилев увлекал за собой целую плеяду ху-

дожников, которым суждено было прославить во всем мире русскую живопись, музыку, хореографию. Делом его был "Мир Искусства" — первый действительно художественный журнал у нас, журнал европейского подхода к искусству и всему художественному наследию веков, русских веков — в первую очередь"...

И дальше:

"...Взволнованная любовь к чарам красоты, которую Дягилев называл "улыбкой Божества", вдохновляла и "Мир Искусства", и все его начинания"...

Та же "взволнованная любовь к чарам красоты" вдохновляла всю жизнь и Сергея Маковского.

В этом портрете-эскизе Дягилева, Сергей Маковский отдает должное блестящей монографии Сергея Лифаря "Дягилев и с Дягилевым" (Париж, 1939 г.).

"Аполлон" заполнил некоторый пробел в содержании "Мира Искусства", где редко печатались стихи, несмотря на таких поэтов-друзей редакции, как Зинаида Гиппиус, Бальмонт, Брюсов. В "Аполлоне" Сергей Маковский с самого начала сосредоточил главное внимание на поэзии. Родоначальниками Альманаха явились не столько живописцы, сколько поэты новаторы. Эти оба журнала сыграли громадную роль в русской культурной жизни, после упадочных дней Чеховской эпохи и безвременья 80 и 90 годов.

В 1910 году Петербургская Академия Художеств поручила Сергею Маковскому устройство Русского Отдела на Международной Выставке в Брюсселе. В том же году он принимает участие в выставке художников "Мира Искусства" в Париже, организованной Сергеем Павловичем Дягилевым.

Позднее, в 1912 году, Сергеем Маковским, при содействии Французского Института в Петербурге, была устроена в русской столице замечательная выставка:

"Сто лет Французской живописи (1812-1912 гг.)". Здесь были собраны картины из различных заграничных музеев, между прочим из Лувра, а также из русских дворцов. За образцовое устройство этой выставки, прошедшей с блестящим успехом и вызвавшей большой интерес не только у русской, но и у иностранной публики, французское правительство наградило Сергея Маковского орденом Почетного Легиона.

"Серебряный Век" был эпохой настоящего "Ренессанса" русской художественной жизни. После долгих лет равнодушного молчания, в России появился интерес к русской религиозной живописи — к иконе. Сергей Маковский, всегда чутко отзывавшийся на все вопросы искусства, основывает журнал "Русская Икона" с участием виднейших русских художников и знатоков древней русской иконы. К сожалению, война 1914 года не дала возможности продолжать это замечательное начинание.

Русской графике Маковский также посвятил книгу, после его участия в Художественном Отделе Лейпцигской Выставки в 1914 году.

Революция заставила Маковского покинуть Россию, но и заграницей он продолжал писать и работать по вопросам художественной критики.

Так появились:

"Силуэты русских художников", Прага 1921 г.

"Последние итоги живописи", Берлин 1922 г.

"Народное Искусство Подкарпатской Руси", Прага 1925 г. (Монография).

Для составления этой монографии, явившейся этнографическим исследованием русской вышивки и других видов народного творчества Подкарпатской Руси, автору пришлось в течение многих месяцев исходить де-

ревни Подкарпатья, собирая материалы на местх. В результате была устроена большая выставка в Праге в 1922 году "Искусство и быт Подкарпатской Руси", а позднее в 1925 году была издана, как указано выше, монография: "Народное Искусство Подкарпатской Руси" на трех языках (русском, французском и чешском).

В то же время в Чехословакии, при содействии "Чешской Графической Унии" в Праге, готовился к печати капитальный труд в четырех томах "Русская Живопись" под редакцией С. К. Маковского.

Первый том "Икона" должен был быть посвящен иконописным памятникам 14-17-го столетий.

Второй — "Художники-Классики" — русским художникам XVIII века и первой половины XIX века.

Третий — "Художники-Реалисты" — русским живописцам второй половины XIX века.

Четвертый — "Художники-Стилисты" — живописцам последних десятилетий до революции.

Политические события в Чехословакии помешали осуществлению этого начинания.

Основавшись в Париже с 1925 года, Сергей Маковский состоял редактором "Возрождения" с 1926 по 1932 год, и после второй мировой войны неустанно сотрудничал почти во всей зарубежной печати: в "Новом Русском Слове", в "Новом Журнале" в Нью-Йорке, в "Русской Мысли" в Париже, в альманахах "Мосты" и "Грани" в Германии, и в других изданиях.

Последние годы своей жизни Сергей Константинович посвятил редактированию воспоминаний из своей богатой встречами жизни. В 1955 году вышел первый том воспоминаний "Портреты Современников" (изд. им. Чехова в Нью-Йорке), а в 1962 году — второй "На Парнасе Серебряного Века" (изд. ЦОПЭ, Мюнхен).

Оба тома являются ярким свидетельством одного из блестящих представителей блестящего "Серебряного Века".

Незадолго до своей смерти, Сергей Маковский окончил большую работу, посвященную Николаю Гумилеву, которая и появилась в печати на французском языке.

Долгие годы, Сергей Маковский возглавляя издательство "РИФМА" в Париже, редактировал с большой заботой и любовью сборники стихов русских зарубежных поэтов.

Посвятив всю свою жизнь литературно-художественной деятельности, Сергей Константинович оставался настоящим поэтом, отдавая своему любимому искусству — поэзии лучшее своего творчества и своего вдохновения.

Вышло восемь сборников его стихотворений. Предлагаемый посмертный сборник — девятый. Он состоит из стихотворений, большей частью написанных в последние годы.

В нем он всем нам завещал свои "вечерние" думы и чаяния:

"...скорбя,
в мечтах, в порыве к небу, к свету
вам отдал он всего себя..."

REQUIEM

Dis manibuscum sacrum.

Шаги мои все ближе к вам, друзья,
и дух о вас печалится все чаще, —
все призрачней сквозят лесные чащи,
в немую даль змеится колея,
и горестней поет кастальская струя,
родник из глуби говорящий.

Зовете ль вы, иль я зову — пора,
и мне пора уйти в страну покоя,
где грешника, святого и героя
уравнивает строгая Сестра, —
туда, в страну, где нет ни «завтра», ни «вчера»,
а длится время неземное.

Да, вас — о, братья духу моему,
чьи образы в себе всю жизнь лелею,
друзья, которых не встречал милее, —
родных мечте моей, родных уму
и тех, кого любил, не знаю почему,
и оттого еще сильнее.

Ни людям, ни себе давно не лгу,
не обольщаю сердца ожиданьем
утешной вечности, ни упованьем
на встречу с вами вновь... Но не могу
не вспоминать. Все, все на этом берегу
мне кажется воспоминаньем.

О, спутники мои! Со мной деля
восторги грез и мысли ненасытной
и творческой гордыни беззащитной,
вы были мне как милая семья,
пока не рухнула Российская земля
в бесправья хаос первобытный.

В те годы мир, весь мир казался наш,
любуясь им росли мы все когда-то.
Любили мы и Русь, и Запад свято,
дворцы царей, Неву и Эрмитаж,
Петрова города блистательный мираж
уже в крови его заката.

В те годы Анненский-мудрец был жив,
учитель-друг, угасший слишком рано;
всеискушенный Вячеслав Иванов,
и Гумилев, и Блок (в те дни — не скиф:
он бурю звал, разбит как утлый челн о риф
разъявшегося океана)...

Забытым с той поры утерян счет,
но вас забыть, взнесенных на высоты
Парнасские, — нельзя! Во дни забот,
борений, нужд, искали вы вперед
путей нехоженных, в слова вбирая мед,
бессмертья мед, как пчелы в соты.

Но кто из вас, кто страшно не погиб,
кто спасся, отстрадав урок жестокий
войны, усобиц, безрассудной склоки, —
от пуль, застенка и тюремных дыб?
Лишь тот, воистину, кто внял примеру рыб,
ушедших в темень вод глубоких.

О, сколькие меж вас, певцов-друзей,
мне доверяли сны, обиды, муки!
И женщины... Но нет! Одной лишь в руки
правило отдал я судьбы моей, —
одной поверив, знал — что коль изменит, с ней
и смерти не прощу разлуки.

Я Музой называл ее, с собой
влюбленно уводил в лесные чащи,
где бьет родник из глуби говорящий.
И не она ли, день и ночь со мной,
и ныне призраков ко мне сзывает рой,
так укоризненно манящий...

. . . . . .

Но жизнь идет... Ее не победит
ни рок живых, ни вопли всех убитых,
ни перекор надежд и слов изжитых.
Пусть — ночь еще! Весенний лес шумит
над тишиной плющем обросших плит
и лаврами гробниц увитых.

Монфор-Ламори, 1959 г.

ПОСЛЕДНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ЗЕМЛЕ

Прощаясь с тобой, поминать я буду
Все, все, что дала ты мне,
Мой разум доверив бессмертья чуду,
Забуду ль о земном дне!

Забуду ль и боль, и восторг сознанья,
Что в смерти я жить начну,
Твоей красоты печаль и молчанье,
И счастье, любовь, весну...

Любимых, так много меня любивших
И брошенных мною давно,
Простивших обиду и не простивших,
Отомстивших, — не все ль равно!

Была ли и будешь? Иль только снишься
И так же другим солжешь?
Но, может быть, в вечности ты продлишься,
И правдой предстанет ложь.

Париж, 10 апреля 1962 г.

Призраки надгробные,
Души — тени Божии,
ангелоподобные,
но с земными схожие,
вижу вас: по лестнице
снежнобелой храмины,
благодати вестницы,
в дар любови пламенной
на алтарь возносите,
на алтарь сияющий,
жены мироносицы,
дух мой созидающий...

Париж, 15 апреля 1962 г.

От земли уйдя далече,
О земле далекой грежу,
Но земли далекой речи
Слышу тише все и реже.

Привиденье все забвенней
Яви некогда мне милой.
Ветром треплет лист осенний
Где-то над моей могилой.

Из неведомой отчизны
Ярче благовестье света.
Песнями прошедшей жизни
Убаюкивает Лета...

Париж, 15 апреля 1962 г.

КРЫЛЬЯ

Посвящается
Владимиру Ивановичу Поль

Из века в век томился он о чуде,
о крыльях, о полете ввысь, —
Туда, туда, где не бывали люди,
мечтал, крылатый, вознестись.

Века текли... Его упорный разум,
пытая персть земную, креп,
И сонмы солнц, невидимые глазом,
прозрел умом он... И ослеп.

О небе мудрствуя, не крылья духа
он сотворил, а саранчи
Подобие, грохочущие глухо
молниеносные смерчи.

Безумие! Иль светил купол звездный,
ему пророча рай сквозь тьму,
Чтоб он обрел во тьме, кидаясь в бездны,
миры, где места нет ему?

О, бред! Уже везде, как волк голодный,
ощерен на народ народ...
Миг — и огонь наземный и подводный
разрушит все и все пожрет.

Превзойдена бездушной силы мера,
зломудрию предела нет, —
Смерчи погибельные Люцифера
всевышний затмевают свет.

Париж, 10 апреля 1962 г.

АПРЕЛЬСКИЙ ЛАНДЫШ

Ландыш, колоколец нежный,
позвонил к весне,
На краю ложбины снежной
кланяется мне.

Из лесной замшенной прели,
возвещая май,
Прокололся он в апреле
под грачиный грай.

На земле обрел, на небе ль
белизну свою —
Тянется от снега стебель
к солнечному дню...

Слышу голосок твой чистый
песней тишины,
Колоколец серебристый,
первенец весны!

Париж, 28 апреля 1962 г.

МОНФОР-ЛАМОРИ

ГОЛУБАЯ СОСНА

Голубая сосна из окна
гроздью перистой тянется в комнату,
к лесу, к летнему вереску, к омуту
неба раннего манит она.

Каждый дюйм голубого плаща —
восходящего дня благовестие,
зов доносит ко мне из полесия
ветерок, еле слышно журча.

О, таинственность зовов лесных,
всесогласие сил созидающих,
над светающим лесом сгорающих
затуманенных зорь золотых!

В дали смутные сумрак зовет
на поляны тропами знакомыми.
Там дубы веют древними дремами
и о вечности утро поет.

И на зов я отвечу, пойду
в этот лес, где так радостно-зелено, —
иль всему, что живет, не повелено
жить и радовать в Отчем саду?

Монфор-Ламори, 1961 г.

Просыпаюсь. В окна — утро.
Рань еще, совсем немая,
горлица, и та не плачет.
В переливы перламутра
мгла лесная солнце прячет,
на листве — как дымь сквозная.

Что это? Уже — сегодня?
Или в зареве пожара
вижу день, еще вчерашний?
Длится он, а я спросонья...
И пробьют часы на башне
еле — слышных пять ударов.

Старинный бор вокруг, и в нем
укромных деревень становья,
где пахнет кабачок вином
и молоком тепло коровье.
А город сплошь Средневековье.

Когда жара спадет, лениво
по улочкам крутым брожу,
и все, на что ни погляжу,
в убогой забыли красиво:
окно, решетка, свод — все диво.

На башне неподалеку
пробьют опять часы... И стонет,
ушедший в вечность бой, нагонит
на нерожденную строку
о давнем смутную тоску.

Так, на ходу пишу стихи,
в уме... Что делать, коль приходят,
непрошенные, и уводят,
царапнув сердце за грехи,
в миры неузнанных стихий...

З Н О Й

Воистину лето земное
мне кажется даром небесным...
И не во что верить иное
и не о чем грезить чудесном.

В разливах лазури и света
дыханием Божьего зноя
сознанье и сердце согреты
ликуют в блаженстве покоя.

От этого летнего мленья —
такое желанье забыться,
поверить бессмертью Творенья,
приникнуть к Земле.. и молиться

Сен-Леже, 1960 г.

Прямая-прямая дорожка
по краю, по самому краю
ржаного несжатого поля.
За полем в полесье — сторожка.
А дальше — звериная воля!

А дальше, на версты и версты, —
что заяц! — олень длиннорогий
пасется в укромных ложбинах,
и лис, и кабан жесткошерстный
в глуши, у озер камышиных.

А ягод-то, ягод в июле
какие рои на полянах —
малины лесной, ежевики,
смородины, яблок румяных!
В июле их праздник великий.

Ах, в мире нет краше, я знаю,
приволья за этой сторожкой...
К нему-то по самому краю
ржаного несжатого поля
прямая-прямая дорожка.

Прогулка здесь, в разросшемся лесу
всегда — чудесное открытье.
Блуждаю в нем без цели, по наитью,
всей старостью люблю его красу.

Под шелестно-зеленые шатры
иду, о прошлом вспоминая,
и снова каждая тропа лесная
приоткрывает тайные миры.

О, да, все чудо здесь, куда ни глянь!
Любуясь вновь лесным цветеньем,
куда-то вглубь я проникаю зреньем,
в незримое за видимую грань.

И замираю... В яви ли живу?
Иль это сон, нездешний сон я вижу?
Смотрю, клонюсь, разглядываю ближе
росинки-звездочки, упавшие в траву.

ПОЛДЕНЬ

Извилистой тропою в чащи
я ухожу... И каждый шаг
уводит в темный полумрак,
безмолвием так много говорящий.

Не дрогнет папоротник пышный
и ждешь, как в сказке, чтоб зацвел...
Над вереском жужжанье пчел,
гуд тишины июльской еле слышный...

И спрашиваю: Дух мой, кто ты?
Ты — призрак? Или бог лесной?
Иль только легкий миг земной
в светилище полуденной дремоты?

Что все слова и песни
в сравнении с Твоей
ко мне поющей речью:
«Забудь печали дней,
«тревогу человечью,
«для вечности воскресни!»
В утишии весеннем
охватывает лес
таким ко мне участьем
сияющих небес,
беззвучным и звучащим, —
таким всепримиреньем,
как будто мне лишь снится
весенняя земля,
как будто рай обманный
земного бытия —
лишь призрак несказанный.

И все преобразится...

Полузабытую зимой
вновь летом обретаю землю.
В лесу безмолвью леса внемлю:
все тот же он и нынче мой!

Мир видимый полуисчез:
жду от земли зацветшей знаков, —
как перед лествицей Иаков,
провижу таинство небес.

В уединении лесном
дух целомудренней и тише.
Что день — ступенью выше, выше,
хоть и в ничтожестве своем...

Густолиственные своды
вязов древних... В полдень жаркий
манит тень под эти арки,
тень аллей, где пахнет медом,
тишина... И год за годом!

Все приемлет сердца разум
в тишине туманно-зыбкой;
День поет пчелиной скрипкой,
и слепительным алмазом —
солнце над высоким вязом.

Жизни суета и скверна —
сон неправедный — забыты.
Мысли с тишиною слиты...
Вечность, даль любви безмерной.
Где-то. Навсегда. Наверно.

Только солнце — просыпаюсь,
за садовую ограду
тороплюсь к лесным завесам, —
в сумрак утра окунаюсь,
в эту пахнущую лесом
и рассветной мглой прохладу.

Глухо, немо, непробудно
Дышат тени по дорогам;
тронутые тиховеем
рощи — сказкой изумрудной...
Здесь не людям жить, а феям,
гномам, да единорогам.

И недаром всюду снятся
королевны, принцы, маги,
привиденья дней забытых,
что вовек не повторятся, —
кладов демоны, зарытых
в заповеданном овраге.

Тишину глуши окрестной
вопрошаю восхищенно
в это утро, в утро мая, —
сон весны почти чудесный,
мир на полпути от рая
на земле преображенной.

ЛЕТО

Балует летнее тепло,
июльский день живет сугубо.
Смотреть и слушать лес мне любо,
не нагляжусь, пока светло...
А вот и шмель, гудящий грубо,
и пронеслась оса в дупло
седого дуба.

О, лес! Чудесен твой расцвет,
твой лучезарный праздник летом!
Зной... И блаженно в зное этом
весь рай земли в лицо нет-нет
пахнет мне воздухом нагретым.
И кажется полдневный свет
нездешним светом.

Оцепеневшую листву
не шелохнет. Лесная птица
примолкла и не шевелится.
В лазурном мареве живу
и время тишиной струится...
Иль это все — не наяву,
а только снится?

Монфор, 2 августа 1959 г.

НА ЗАРЕ

Мигов благостная длительность,
тишины лесной мечта,
утра на заре томительность —
эта сонная действительность
где-то в небе начата.

Из своей лазурной скинии
к ней склонился Ангел сна.
Тают в листьях дымы синие,
породнила цвет и линии
райская голубизна.

Снятся дали поднебесные
всей разбуженной земли.
Сердце рвет оковы тесные,
молит: «Сила неизвестная,
смилуйся и утоли!

Все равно! Пускай противится
трезвенный рассудок мой.
Пусть ему не посчастливится!
Верю, что душа — счастливица,
верю небу надо мной, —

Ангелу многоочитому,
что глаза дает уму,
может быть — и незабытому,
хоть плющем седым овитому,
вдохновенью моему...

КЛАДБИЩЕ

Бродить по кладбищу в Монфоре
привычкой стало для меня.
Вначале я грустил... но вскоре,
всепримиренно в смерть маня,
дряхлеющие эти плиты,
решетки ржавые, кресты
предстали мне как сон забытый,
как сон тишайшей красоты.

Не на земле он, будто, снился,
а может быть — и на земле...
Но там не солнцем день светился
и ничего не знал о зле.
И люди были, но — другие...
Иль те же, но не во плоти.
Они, как ливни золотые
мерцали на моем пути.

И время течь остановилось:
ни прошлых, ни грядущих дней.
Все в вечности преобразилось,
все стало тихо-тихо в ней...
И мне на кладбище ни скорбно,
ни страшно более с тех пор,
от этой тишины надгробной
в старинном городе Монфор.

Монфор-Ламори, 18 августа 1959 г.

ЗВЕЗДЫ

Безумец только может, — в этот век
отвергших славу жизни вышней,
скопцов душой, умом растленных злобой хищной
калек, —

молиться словом солнцу и луне
и звездам, нас как будто знающим,
и радоваться им, наш мир благословляющим,
во сне.

Не видят больше нас. Нездешний свет
угас в веках земной печали.
Рассудком звездные повержены скрижали.
Их нет!

И на земле родник любви иссох.
Живую душу люди вынули
из мира своего. И боги нас покинули,
и Бог.

Давно уж звезды говорят не то,
что прежде звезды говорили,
Лишь дети малые их любят, как любили,
и то...

Но что же делать мне-то, мне — когда,
чем я старей, тем безнадежнее
они со мною, те же... Нет — другие, прежние,
всегда...

7 сентября 1961 г.

ОСЕНЬ

Когда прикроют ватной шапкой
простор окрестный облака,
и в нерешительности зыбкой
предзимняя тоска,

и вкруг лесные дали серы
и, как седые пустыри,
посохлые жнивья без меры,
куда ни посмотри.

Тогда — что грай вороний, зовы
времен, отшедших навсегда:
и все напомнит сердцу снова —
года, года, года...

З И М Н Е Е

На землю сумрак зимний,
что день, угрюмей сходит,
и в стынущей природе
— дух темнее, дымней.

Уводят к далям тайным
древесные завесы.
Вкруг частоколы леса
— кладбищем бескрайним...

ДО РАССВЕТА

О. Ш.

Дорассветный лес туманно-темен,
еле мреет очерк тополей
и над ними — купол так огромен,
так прозрачно-нем и все светлей.

Звезд уж нет на этом раннем своде,
волны листьев сумрачно-тихи...
Междуцарствие в лесной природе!
Ни заря, ни ночь. И где-то — петухи.

Смутно все. Лишь облачка над садом
заалела чуть волнистая кайма...
И не знаешь, рада иль не рада
солнцу утренняя полутьма.

Снились небу в ночь такие дали,
тайна звездная таких чудес,
о которых люди не гадали,
о которой помнит только лес.

И душа — пусть на-свету незряча,
трудному служенью отдана, —
в этой полутьме поет и плачет,
словно помнит что-то и она.

Отчего, когда природа,
от земли до небосвода,
мне таинственно близка
и, как обещанье рая,
мир земной благословляя,
к небу тянется рука,

Отчего — что это значит? —
сердце не поет, а плачет,
и о чем его печаль?
Отчего, землей любуясь,
этой боли повинуюсь? —
Отчего мне землю жаль?

Отчего? И нет ответа.
Только знаю, рана эта
призрачная — глубока...
Красоте земной созвучна,
с красотою неотлучна —
безответная тоска.

Монфор-Ламори, 1960 г.

РАЗДУМЬЯ

ДРУГУ

Памяти М. А. Форштетера

Проходит все почти бесследно,
все может человек стерпеть, —
смотря в глаза Горгоны бледной
    он может и не умереть.

Но есть одно... Над гробом друга
нельзя на небо не восстать.
От жалости, любви, испуга —
    нельзя, нельзя смириться... Знать,

что землю вовсе он покинул,
что дух единственный его
куда-то канул, скрылся, сгинул...
    Был человек — и ничего!

Уснул и больше не проснется,
загробной взятый тишиной —
на боль живых не отзовется
и не поделится со мной
    своею болью... Боже мой!

1959 г.

Увидеть, осязать нельзя,
нельзя услышать слухом, —
уводит тайная стезя
в мир, озаренный духом.

И свет не свет, и тьма не тьма,
земля, но неземная.
Небес голубизна — нема
и говорит о рае.

От светоносной немоты,
от нерожденных звуков
пьянея, сердце с высоты
внимает песне духов.

Нет! Этого не может быть,
его очарованье не обманет, —
свет не погаснет, не порвется нить,
любить душа не перестанет.

О, нет! Когда бы сном моим
он только грезился, душе созвучным,
не предстоял бы чудом неземным
со мной навеки неразлучным.

Промчится жизнь, пройдут года,
Земное, временное скоротечно...
Но вечен дух, все живо навсегда
и каждое мгновенье вечно.

Не спрашивай у жизни много,
но бойся Божьего суда.
Жизнь — это узкая дорога
в непостижимое Туда.

О бывшем не тоскуй напрасно
и смертью вечность не зови.
Она с тобой, в тебе всевластно
нездешней правдою любви.

Любовь, к себе годами строже,
ты целью вышней назовешь.
Мир видимый, — прости мне, Боже! —
он или призрак, или ложь?

Он был ли некогда, иль не был
и снится только — некий день,
навеки обручивший небу
мою заблудшуюся тень?

О, тишина лесной державы,
сквозишь ты вечностью земной
И вечность запредельной славы
приоткрываешь предо мной.

Словами я боюсь нарушить
с тобой нездешнее родство...
Все только бы молчать и слушать
глагол безмолвья твоего.

Мне кажется порой
мучительно — невольно,
что всей вселенной строй,
от выси неземной
до нашей тьмы юдольной,
лишь силы гнет безвольной,
ни мертвой, ни живой.

О, Жизнь, времен поток,
ты, вечности итог,
ты, вихрь слепорожденный,
в столетьях повторенный,
как заданный урок!

Но иногда... Взгляну
на небо, рощи, поле, —
в природе потону
и слышу тишину,
вверяясь вышней воле...
И мыслю: — не спеши
узнать о чем бормочут
ручьи и камыши,
и что в лесной глуши
безмолвие пророчит...
Молчи! Господь не хочет
всеведенья души.

О, Господи, смиренье дай
пред силою Твоей безмерной —
мне, предвосхитившему рай
тоской о красоте неверной.

О, Господи, смиренье дай
пред силами природы косной,
и да разверзнет двери в рай
бесстрашье воли богоносной.

О, Господи, смиренье дай
великое — душе печальной,
коль уготован ей не рай,
а бездна тьмы первоначальной.

Рамбуйе, 19 июля 1959 г.

ЗОДИАК

Неисчерпаема отрада
твоей всесущей красоты.
Поверить чудесам не надо:
и без того чудесна ты.

И знаки огненных скрижалей,
глашатаи небесных сил,
ко мне, в меня — из вещих далей
лучи бесчисленных светил!

(Фрагмент)

Уверенно: «Я знаю» — говорим,
как если б что-нибудь могли мы видеть!
Все — тайна. Тайну чуем, слышим, зрим,
в пучине огненной ее горим,
но не дано разумием земным
преодолеть ниспосланного бреда.

Ты — человек? Но духом кто ты? Кто?
Венец творенья или обреченный
на муку прах? И отстрадав — за что? —
Опять вернешься в черное Ничто,
как тень?
Иль может быть — совсем не то,
и в вечности ты бог светорожденный?

И знанье человеческое — ложь,
и ты, в свой час, преображенный Словом,
не гусеницей, ползая, уснешь,
а . . . . . .

БРЕДЕНЬ

СКИТ

Только выйдешь из деревни —
скит в бору: изба с избой,
да у врат, за городьбой,
под шатром колодец древний.

Над колодцем наклониться
страшно, люди говорят:
бесы душу замутят,
отуманит водяница.

Да — брехня! На глуби тесной
Ключевая спит вода,
незакатная звезда —
там, в дали ее небесной.

Так и люди. — Люди тоже,
что колодцы: грех ко дну,
а заглянешь в глубину,
совесть там звездою Божьей.

ПРУД

Среди леса — затиненный пруд,
и к воде корневинами ивы...
А поля васильками цветут,
колосятся пшеничные нивы.

Над стоячей водой — полусон,
сырость, глушь, полутьма без просвета..
А над жнивом серебряный звон
всех кузнечиков Божьего лета.

Тинный пруд так же хмур и весной:
листья мертвые, ворохи прели...
А в дубках на опушке лесной
всю-то ночь соловьиные трели!

БРЕДЕНЬ

Бросил Федор бредень водам
повечернего затона,
за собой, на кляче, бродом
выволок на отмель Дона.

Да уж видно — незадача,
не подсек он впору бредня:
заартачилась ли кляча,
сам ли опоздал к обедне...

В бредне ракушки да тина,
ни одной рыбешки малой.
Рыболов ты, сиротина,
Федор, бродчик неудалый!

ВЕДЬМА

В новолунье, чуть смеркается,
ведьма в дебрь идет за травами,
за опоем, за отравами.
Не дорогой пробирается,
а тропинкой от обители,
чтобы люди не увидели.

Как прокралась из полесицы —
перед ведьмой лес нехоженный,
Перевалом загороженный
в серебристых мутях месяца.
Ходит--бродит наговорщица,
по оврагам шарит-морщится.

Ищет злая, многогрешная
змей-траву и ярь болотную
на заварку приворотную.
А кругом-то тьма кромешная,
оборотень — волк шатается,
филины перекликаются.

МАЙ

Сегодня — воскресение
в веселый месяц май.
Журчит листва весенняя:
— Живи, не унывай!

От утреннего холода
на сердце горячо, —
все так легко и молодо,
так девственно еще.

Еще и птичьи щебеты
звучат едва-едва...
Все тихо! Рай. А в небе-то
какая синева!

ЛЕБЕДИ

На острове неведомом, за тридевять морей,
Зимуют, внуки с дедами, дружины лебедей.

Да, видно, воды южные не любы лебедям:
проходят зимы вьюжные, весна — и по домам!

Зовут озера синие, камыш на берегу
и гнезда лебединые в нестаявшем снегу.

Обратно стаи просятся, к теплу родной тиши.
И лебеди уносятся на Север в камыши.

ЛОГ

В зиму долгую забытый
спит над озером лесок,
в белые снега зарытый
притаился волчий лог.

Темно в нем — никто не встретит,
глухи заросли берез.
Только он тебя приветит,
царь полуночи — Мороз.

Приголубит, упокоит,
колыбельную споет.
Он глаза тебе закроет
и могилу заметет.

ПОЛЯНКА

Заплутал охотник в лесу, чуженин,
обратно тропы не находит,
по логам дремучим да кочкам трясин
всю ночь, как проклятый, бродит.

И заря зажглась, посветлела земля,
а чаща лесная все глуше,
не запахло по-ветру дымом жилья,
не слышно дуды пастушьей.

Ну и дебрь! Куда ни своротишь, ежом
навстречь заерошатся елки.
Оплелись коряги сухим лишаем,
ни птах, ни цвета, ни пчелки.

Минул день, другая нахмурилась ночь,
за ними еще — дни и ночи...
И брести охотнику стало невмочь,
бессонные слепнут очи.

Вековечна глушь. По звериным тропам
идет он, шатаясь, куда-то,
потерял и счет опостылевшим дням,
оброс бородой косматой.

«Уж не бред ли черный — лесной мой удел?» —
гадает он, встав спозаранку...
Вдруг он видит: лес вокруг поредел
и солнце греет полянку.

На полянке соломиной крытый сруб,
обсохлый кругом можжевельник,
У дверей дуплистый развесился дуб,
под дубом старчик-отшельник.

Серебрится луч на белесых вихрах,
обрамивших лысое темя.
В полинялой ряске да в лычных лаптях,
и древний-древний, как время.

«Пожалей — взмолился охотник, — скажи
как выбраться мне из чащобы?
До лесной далеко-ли отселе межи?
Поспеть домой хорошо бы».

«И, далеко, родной, — прошамкал старик, —
то пращуры пращуров знали:
Много тысячей тысяч верст напрямик,
а если в обход — подале».

Невдомек охотнику: «Долго ж, отец,
плутаться пришлось досюда?»
«А и долго, долго... На то и Творец,
нет меры Божьему чуду».

Оробел охотник, но сердце крепит:
«Ну полно, укажь мне дорогу!
Попривык я к лесу-то. Бог пособит.
Авось дойду понемногу.».

А старчик все строже: «Послушайся, брат,
Господней помогой не чванься.
Никакой и нету дороги назад...
Со мной умирать останься».

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

Предисловие 5

REQUIEM.

Requiem 13

ПОСЛЕДНИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ.

Земле 19
Призраки надгробные 20
От земли уйдя далече 21
Крылья 22
Апрельский ландыш 24

МОНФОР-ЛАМОРИ.

Голубая сосна 27
Просыпаюсь. В окна — утро 28
Старинный бор вокруг, и в нем 29
Зной 30
Прямая-прямая дорожка 31
Прогулка здесь, в разросшемся лесу 32
Полдень 33
Что все слова и песни 34
Полузабытую зимой 35
Густолиственные своды 36
Только солнце — просыпаюсь 37
Лето 38
На заре 39
Кладбище 41
Звезды 42
Осень 44
Зимнее 45
До рассвета 46
Отчего когда природа 47

РАЗДУМЬЯ.

Другу 51
Увидеть, осязать нельзя 52
Нет! Этого не может быть 53
Не спрашивай у жизни много 54
Он был ли некогда, иль не был 55
Мне кажется порой 56
О, Господи, смиренье дай 57
Зодиак 58
Фрагмент 59

БРЕДЕНЬ.

Скит 63
Пруд 64
Бредень 65
Ведьма 66
Май 67
Лебеди 68
Лог 69
Полянка 70

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

ЖЕНСКИЕ ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ. 1910. СПБ. «Аполлон» № 7.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИТОГИ. 1910. СПБ. «Аполлон» № 7 и 10.

ПРОБЛЕМА ТЕЛА В ЖИВОПИСИ. 1910. СПБ. «Аполлон» № 11.

ХУДОЖНИК ТАРХОВ. 1910. СПБ. «Аполлон» № 12.

ВЫСТАВКА НОВОГО ОБЩЕСТВА. 1911. СПБ. «Аполлон» № 1.

ВЫСТАВКА «МИРА ИСКУССТВА». 1911. СПБ. «Аполлон» № 2.

Н. К. ЧУРЛЯНИС. 1911. СПБ. «Аполлон» № 5.

С. Ю. СУДЕЙКИН. 1912. СПБ. «Аполлон» № 8.

ФРАНЦУЗСКИЕ ХУДОЖНИКИ ИЗ СОБРАНИЯ МОРОЗОВА. 1912. СПБ. «Аполлон» № 3.

МАСТЕРСТВО СЕРОВА. 1912. СПБ. «Аполлон» № 10.

ГОЛОВИН. 1913. СПБ. «Аполлон» № 4.

ДУША РЕАКЦИИ И СВЯТОЕ БЕСПОКОЙСТВО. 1912. СПБ. «Аполлон» № 6.

НОВОЕ ИСКУССТВО И ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ. 1913. СПБ. «Аполлон» № 7.

СТИХИ. 1914. «Аполлон» № 6 и 7.

ПО ПОВОДУ ВЫСТАВКИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ. 1916. «Аполлон» № 8.

IMPRIMERIE
BERESNIAK
PARIS
—

ДОМ КНИГИ
Maison du Livre Etranger
9, rue de l'Eperon, Paris 6e